

Алексей Ракитин

ВСЕ ГРЕХИ МИРА

Книга I

Алексей Ракитин

Все грехи мира. Книга 1

«Издательские решения»

Ракитин А.

Все грехи мира. Книга 1 / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512185-1

В начале XX столетия в восточных штатах США прокатилась волна немотивированных жестоких убийств. Неизвестный преступник в ночное время проникал в дома и, используя топор, убивал всех жильцов. Сейчас эти преступления связываются с серийным убийцей, оставшимся неразоблаченным. Автор предпринимает попытку проанализировать схожие преступления и на основе современных криминологических представлений понять, совершались ли они действительно одним человеком, и если да, то что им двигало.

ISBN 978-5-00-512185-1

© Ракитин А.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Часть I. Ранние убийства	14
17 ноября 1900 г.	14
12 мая 1901 г.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Все грехи мира

Книга I

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2021

ISBN 978-5-0051-2185-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-2188-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Соединенные Штаты Америки на пороге XX столетия являли собой государство довольно необычное. С одной стороны это была страна, развивавшаяся быстро и динамично, открытая всему новому и передовому. Телефон Белла, электрическая техника Теслы, самолёт братьев Райт, автомобиль Генри Форда – все эти достижения символизировали инновационный характер американской индустрии. Страна серийно строила линкоры – а каждый из таких кораблей являлся шедевром машиностроительной промышленности того времени. В США находились крупнейшие телескопы того времени, территорию покрывала густая сеть железных дорог, трансокеанские кабели связывали страну с другими континентами.

И рядом с этими впечатляющими достижениями инженерной мысли можно было столкнуться с совершенно вопиющими социальными язвами. Вопиющими даже по меркам тех отнюдь не сентиментальных лет. Чернокожее население, формально освобожденное от рабства по результатам Гражданской войны 1861—1865 гг., на самом деле оказалось отнюдь не свободно. Страна пережила своеобразный антиренессанс, на многие десятилетия узаконивший сегрегацию. Принцип проживания национальных общин – «рядом, но не вместе» – определил лицо городов и общественные отношения по крайней мере трёх последующих поколений американцев. Во всех крупных городах существовали кварталы еврейские, ирландские, немецкие, итальянские и т.п., католики селились подле католиков, иудеи – рядом с иудеями, молокане, методисты, протестанты и т. п. – каждый возле себе подобных.

Демократия выглядела абсурдно и даже архаично: две очень похожие по форме и своей сути политические партии делили между собой всё политическое пространство от муниципального уровня до президентской должности. Президент избирался в два этапа в ходе неярких и непрозрачных выборов (впрочем, такова система и сейчас). Женщины были лишены права голоса. Элита американского общества, несмотря на разницу политических взглядов, состояла в одних и тех же масонских ложах, а их дети состояли в одних студенческих братствах.

Но ещё более дико с точки зрения цивилизованного человека того времени выглядели общественные отношения в сфере охраны правопорядка. Всяк был вооружен огнестрельным оружием, право на оружие охранялось Второй поправкой Конституции США, вступившей в силу ещё аж в 1791 г. Шерифы, ответственные за поддержание правопорядка в сельской местности, выбирались, а начальники полицейский управлений в городах – назначались мэром. На рубеже XIX – XX столетий на территории США действовали около 2200 окружных шерифов, в штате которых находились примерно 12 тыс. помощников. Число сотрудников полиции в форме составляло около 70 тыс. человек¹.

Общий уровень подготовки личного состава американской полиции оставлял желать много лучшего. Чтобы проиллюстрировать этот тезис можно сказать несколько слов о результатах работы т.н. «комиссии Пайпера». В начале 1904 г. ряд серьёзных коррупционных скандалов в Чикаго, одном из криминальных центров США того времени, сподвигли городские власти на масштабную проверку работы собственного полицейского управления. Чтобы гарантировать полную независимость проверяющих для её проведения была приглашена большая группа полицейских из Нью-Йорка. Возглавлял проверяющих капитан Александер Пайпер, в прошлом военнослужащий, а в начале XX столетия – специальный представитель (офицер по поручениям) начальника полиции Нью-Йорка. Именно по фамилии этого человека группа и получила своё название.

¹ Точных данных о количестве полицейских в штатском автор отыскать не сумел, хотя и приложил немало сил, чтобы прояснить этот вопрос. По-видимому, такой статистики не существует вообще, но мы вряд ли сильно ошибёмся, если предположим, что таковых было около 5% от общего числа полицейских в форме, т.е. примерно 3 – 3,5 тыс. человек.

«Комиссия Пайпера» проверяла все аспекты работы полиции Чикаго – от набора кандидатов в полицейскую академию, до пенсионного обеспечения вышедших в отставку сотрудников. Особое внимание обращалось на возможное сращивание полицейских чинов с преступным миром, владение имуществом и денежными средствами, явно превышающими доход сотрудника полиции, результативность работы, точность внутренней полицейской отчётности и т. п. Результаты работы «комиссии Пайпера», обнародованные в марте 1904 г., оказались не просто удручающими, а по-настоящему шокирующими. Тысяча сотрудников полиции Чикаго должна была быть уволена немедленно ввиду либо полной профнепригодности, либо утраты доверия (т.е. наличия коррупционных связей с преступным миром). Ещё одна тысяча подлежала увольнению по тем же, но только несколько смягченным показаниям, в течение ближайших 2-х лет. Иначе говоря, Пайпер предлагал дожидаться их минимальной выслуги и отправить на пенсию, освобождая ряды полиции от их присутствия. Один – только один! – полицейский не вызвал у проверяющих нареканий.

Кстати, «комиссия Пайпера» ещё встретится нам на страницах этой книги. Дело в том, что нью-йоркские проверяющие плотно взаимодействовали с группой частных детективов, выполнявших по их поручениям кое-какую оперативную работу. Один из этих частных сыщиков проявит свои довольно необычные таланты в одном из рассматриваемых в этой книге исследований, о чём в своём месте будет рассказано.

Нельзя не отметить того, что само по себе расследование преступлений имело в те годы в США довольно необычный для современного человека характер. Штатных детективов полицейские управления и службы окружных шерифов либо не имели вообще, либо имели таких в небольшом количестве. Расследование преступлений очень часто отдавалось на своеобразный «аутсорсинг», который выглядел примерно так: губернатор штата или городской муниципалитет назначали премию за изобличение виновного, и если сумма представлялась достаточной, то за дело брались частные детективы или детективные агентства. Они находили виновного и получали обещанное вознаграждение. Основным оперативным приёмом частных детективов в США являлось оперативное внедрение, которое заключалось в том, что детектив выдавал себя за уголовника, входил в контакт с представителями криминального мира и вызнал у них детали произошедшего преступления. Понятно, что такая методика расследования открывала огромные возможности для разного рода оговоров, подтасовок и провокаций.

В этой книге мы увидим реальные примеры того, как частные детективы расследовали конкретные преступления. После того, как читатели ознакомятся с ними, уверен, все вопросы, связанные с необходимостью жёсткой регламентации работы частных детективов отпадут сами собой.

Криминалистика в США в начале XX столетия находилась в зачаточном состоянии, в этом отношении страна явно отставала от цивилизованного мира. Дактилоскопирование прочно вошло в обиход американской правоохранительной системы только в 1920-е гг. Для сравнения можно сказать, что к середине 1914 г., т.е. до начала Первой мировой войны, только в картотеке Московской сыскальной полиции хранились дактокарты 15 тысяч наиболее опасных уголовников! Почувствуйте разницу...

Другой проблемой, имевшей системный характер, можно назвать различия между уголовными законодательствами разных штатов. Одни и те же преступления в зависимости от места их совершения, наказывались по-разному. Например, в штатах Луизиана и Мэриленд смертная казнь допускалась по семи составам преступлений, а вот в Алабаме – по десяти.

Автор должен признаться, что до работы над этой книгой считал наиболее криминогенными регионами мира на рубеже XIX и XX столетий европейские столицы Лондон и Париж. Однако изучение американской статистики доказало ошибочность этого интуитивного ощущения. Наиболее криминогенным районом на территории стран, чья отчётность представляется корректной и проверяемой, оказался Чикаго и его пригороды (Чикагская агломерация

на территории округа Кук, штат Иллинойс). На территории округа Кук с марта 1898 г. по март 1899 г. были осуждены 2819 чел. из общего числа обвиняемых 3501 чел. (а на следующий год – 2837 чел.). Для сравнения можно привести данные за тот же период для 4-миллионного Лондона, там были осуждены 2659 чел. из 3234 чел., представших перед судом. Как видно, в округе Кук наблюдалось превышение в ~6% при том, что по численности населения он уступал Лондону более чем в 3 раза.

Кстати, 1898 г. отнюдь не был самым напряженным для судебной системы штата Иллинойс в целом и округа Кук в частности. Если посмотреть на усредненную загрузку окружного Большого жюри на большем интервале времени, то легко понять, что в том году судебские чиновники не очень напрягались. За 45 месяцев (с декабря 1896 г. по сентябрь 1900 г.) Большое жюри округа Кук рассмотрело 16518 уголовных дел, т.е. ~360 уголовных дел в месяц. Понятно, что основную массу этих преступлений составляли посягательства сравнительно лёгкие, ненасильственные, но это не отменяет того факта, что число самых тяжких преступлений – убийств – росло в Чикаго ошеломляющими темпами. За 23 года – с 1881 г. по 1904 г. – количество убийств в этом городе увеличилось в 4,5 раза! Особо свирепой криминогенностью отличался север этого города, там за 25 недель 1905—1906 гг. были убиты 54 человека, из них 20 женщин. Это весьма впечатляющая статистика даже по нынешним меркам!

Помимо Чикаго и его пригородов на территории США в те годы росла и другая клоака, с полным правом претендовавшая на роль криминальной столицы мира. Речь идёт о «Большом яблоке», городе Нью-Йорке. За десятилетие 1886—1896 гг. его население выросло на 33%, число зарегистрированных преступлений – на 50%, а количество арестов – на 90%.

Однако сравнение в процентах не позволяет составить представления об подлинном размахе явления, поскольку непонятен истинный размер базы. Поэтому приведём кое-какую статистику в абсолютных цифрах.

В небольшом штате Коннектикут за 10 лет – с 1896 г. по 1906 г. – было совершено 80 убийств, казнён 1 убийца.

В Чикаго за 29 лет – с 1877 г. по 1906 г. – были зарегистрированы убийства 2113 человек, казнены 38 убийц. Если посмотреть на усредненные цифры, то можно заметить, что криминальная активность в Чикаго в течение года примерно соответствовала той, что наблюдалась в Коннектикуте за 10 лет.

В городе Нью-Йорке за 16 лет – с 1889 г. по 1905 г. – было зарегистрировано более 1500 убийств, т.е. несколько менее 100 в год. Это довольно много даже по нынешним временам и примерно соответствует аналогичному показателю для Чикаго.

Как много казнимых было в США в то время? Это объективный показатель, характеризующий суровость уголовного законодательства. Существует замечательное мнемоническое правило, позволяющее довольно точно оценить число приведенных в исполнение в США смертных приговоров. Эта величина составляет 1—5% от общего количества убитых в результате уголовных преступлений. Так, например, в штате Массачусетс в период 1901—1907 гг. были зарегистрированы 104 убийства, казнены 6 убийц. В штате Огайо в тот же период – 302 убийства и 18 казненных. В штате Иллинойс в период с 1890 г. по 1899 г. усредненно фиксировалось 315 убийств в год, а смертный приговор приводился в исполнение 3 раза в год.

Почему эта статистика для нас важна и автор сейчас сделал на ней акцент? Дело в том, что отмеченное выше соотношение – приблизительно от 1 до 5 казненных убийц на 100 жертв умышленных убийств – расценивалось населением как совершенно недостаточное. Простые обыватели желали, чтобы Власть убивала преступников чаще, энергичнее и без лишних юридических проволочек. Если властные структуры справлялись с этим делом плохо или просто не соответствовали чаяниям американских обывателей, то последние принимали на себя бремя восстановления справедливости. Разумеется, с той оговоркой, что делали они это сообразно своим собственным представлениям о праве и справедливости.

Своего рода национальной забавой того времени являлись линчевания – самосудные расправы толпы над тем, кто по её мнению расправы заслуживал. Фактически это были зверские казни, участники которых к ответственности не привлекались и сам «суд Линча» преступлением не считался. Кстати, название этой расправы традиционно связывалось с судьёй Чарльзом Линчем, допускавшем такую казнь как высшую форму демократии². Может показаться невероятным, но в начале XX века работодатели даже предоставляли своим работникам отгулы для того, чтобы те могли принять участие в линчевании.

Может показаться удивительным, но линчеватели объясняли необходимость самосудных расправ именно тем, что Власть не может утихомирить преступность и слишком мало убийц отправляет на электрический стул или виселицу. В этой книге читатель найдёт примеры того, как народ вмешивался в расследование уголовных преступлений и правосудие подменялось судом Линча. Правда, не всегда зачинщикам удавалось дотянуться до того, кого они считали виновным в совершении преступления, но даже в тех случаях, когда подозреваемого удавалось спасти от пышущей гневом толпы, сама угроза расправы определенным образом влияла на последующее расследование и суд. Ибо какой же политик в Штатах откажется от возможности подкрепить свою популярность в ширнармассах? Особенно, когда это можно сделать за чужой счёт...

Говоря об американских реалиях начала XX столетия и специфических для американской правовой системы особенностях, нельзя не упомянуть о таком феномене, как насилие, точнее даже, пытки в тюрьмах. Речь идёт не о конфликтах между лицами, содержащимися под стражей, а именно о системе воздействия на арестованного со стороны тюремной администрации. Это тема сейчас мало известна и практически не обсуждается и несложно догадаться почему. Идеологический заказ со стороны американского государственного руководства, сформулированный много десятилетий тому назад, требовал преподносить историю США как реестр всяческих успехов и безусловный образец для подражания. Концлагеря и ГУЛАГ были где-то там, далеко за океанами, а США якобы всегда уважали права человека и гражданина.

Увы, исторические реалии таковы, что Соединенные Штаты во многих отношениях не только не отличались в лучшую сторону от европейских государств, но напротив, являли воистину отталкивающие примеры попрания элементарнейших прав и свобод. Говоря об американской пенитенциарной системе, следует отметить её крайнюю жестокость и заточенность на полное порабощение человека, попавшего за решётку. Подавление воли зачастую начиналось ещё на этапе задержания, то есть даже до оформления ордера на арест. Наказание могло последовать за самое невинное нарушение или высказанное вслух несогласие, причём это наказание могло иметь форму как прямого физического воздействия со стороны охраны, так и опосредованного.

Те, кто читал мемуары Карла Панцрама, американского серийного убийцы-педераста, наверняка обратили внимание на его упоминание о том, как в одной из тюрем его подвесили за руки на 20 часов. Он упомянул об этом мимоходом, уделив эпизоду буквально пару строчек, из чего становится понятным, что подобное физическое воздействие являлось для него вполне обыденным. А ведь между тем это очень тяжёлая пытка! Зачастую подобные подвешивания дополнялись поркой, но последняя была сугубо опциональна. В принципе, для чего тратить силы на размахивание плёткой, если можно заставить работать вместо себя силу тяжести?

Другой строгой «фишечкой», очень популярной у конвоя в американских тюрьмах начала XX века, являлась жёсткая фиксация арестанта с заведенными за спину руками. Руки

² Объективности ради следует отметить, что существует и иное объяснение происхождения этого названия, которое связывает его с офицером Уильямом Линчем, жившим примерно в то же время, что и упомянутый судья. Правда, Уильям Линч призывал не к внесудебным казням, а телесным наказаниям без умерщвления.

привязывались так высоко, как это позволяла подвижность плечевых суставов. Чем-то подобная фиксация напоминала хорошо известную средневековую дыбу, с тем, правда, отличием, что человека не поднимали вверх и он всё время стоял на ногах согнувшись. пытка заключалась в том, что при подобном положении рук и торса имело место сдавление грудной клетки и рефлекторное напряжение межрёберных мышц, что затрудняло дыхание и провоцировало карминный отёк лёгких. В декабре 1908 г. в окружной тюрьме округа Кук от подобной пытки скончался 19-летний Уилльям Хэмлин (William Hamlin). Молодой человек пробыл в таком положении 20 часов, затем его руки освободили на 2 часа, а после вновь привязали к решётке на 16 часов. После того, как молодой человек потерял сознание и упал, его доставили в тюремный лазарет и врач, видя отёчные кисти рук и следы сдавления запястий, отказался подтвердить несчастный случай. В парламенте штата Иллинойс заинтересовались инцидентом, была создана специальная комиссия, призванная изучить обстановку в пенитенциарных учреждениях штата.

Хотя администрация тюрьмы настаивала на том, что имел место именно несчастный случай и никто из конвойных пальцем не тронул бедолагу Хэмлина, выяснилось интересное. В окружной тюрьме подобные методы воздействия практиковались регулярно, отчего регулярно погибали заключенные. Парламентская комиссия установила личности некоторых замученных – Фрэнка Гиру (Frank Giroux), Уолтера Каака (Walter Kaak), Минни Штеритц (Minnie Steritz) (sic! – это женщина) и ряд других.

Эти иллюстрации из американской книги 1910 г. демонстрируют пытки заключенных, открыто практиковавшиеся тюремным конвоем. Слева: многочасовое фиксирование узника с заведенными за спину руками. Подобному воздействию подвергались как мужчины, так и женщины. Справа: пытка электрическим током человека, помещенного в чугунную ванну.

Следует подчеркнуть, что среди погибших от такого рода «дисциплинарных мер» числились не только осужденные по суду, но и лица, находившиеся под следствием, то есть, строго говоря, юридически невиновные.

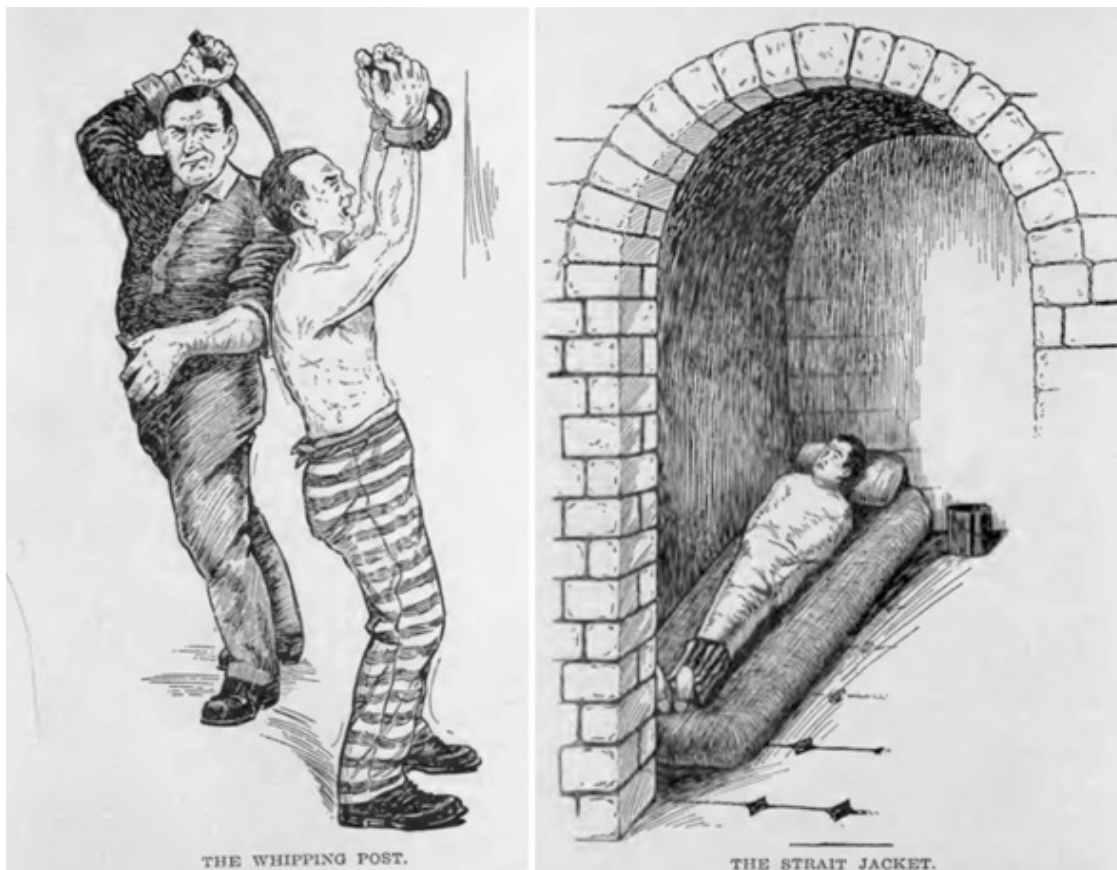
Если кто-то подумал, что автор выдернул единственный исторический прецедент и попытался придать ему расширенное толкование, то уточню особо: нет, это не так! В каждом

штате практиковались свои собственные приёмы запугивания и подавления воли лиц, попавших в местные тюрьмы. Например, в ноябре 1909 г. в комиссии по правопорядку парламента Техаса рассматривался вопрос об аномальной смертности заключенных т.н. «сельскохозяйственных лагерей», работники которых состояли из осужденных и использовались на уборке хлопка. Такие лагеря существовали во многих южных штатах, специализировавшихся на заготовке хлопчатника, в них заключенные работали за паёк задолго до появления в Советском Союзе ГУЛАГа. За 3 года в техасских тюрьмах и «сельскохозяйственных лагерях» было убито более 50 заключенных. Причём речь идёт именно об убитых, а не умерших от болезней! Парламентарии обсуждали чудовищные нравы и обычаи, царившие в пенитенциарных учреждениях, огромные нормы выработки, назначенные занятым уборкой хлопка заключенным. Особенно парламентариев возмутила издевательская благодарность, назначаемая тюремщиками лучшему работнику – если тот в течение дня заготавливал более 550 фунтов хлопка (250 кг.), то получал 1\$. Надо ли говорить, что при ручной уборке под нещадным техасским солнцем собрать 250 кг. хлопка представлялось делом совершенно немыслимым?

Если кто-то подумал, будто после этих слушаний система изменилась, то скажем сразу – ничего подобного. Прочитавший мою книгу «История Бостонского Душителя»³ наверняка помнит изложенную там биографию Роя Смита, чернокожего мужчины из штата Миссисипи, обвиненного в убийстве 11 марта 1963 г. Бесси Голдберг. Так вот Рой Смит в конце 1940-х гг. отбыл срок в подобном «сельскохозяйственном лагере». Таким образом, мы видим, что даже спустя 40 лет после описываемых событий, система «сельскохозяйственного ГУЛАГа» в южных штатах процветала. Кстати, нынешняя система частных тюрем, активно насаждаемая в США, представляет собой не что иное, как реинкарнацию описанных выше «сельхозлагерей». Владелец частной тюрьмы понуждает заключенного работать и выплачивает властям штата определенный процент за использование подневольной рабочей силы.

Использование всевозможных мер наказания и принуждения насильственного характера являлось для американских реалий того времени не исключением, а скорее нормой. Помимо упомянутых выше подвешиваний и привязываний к решёткам, в начале XX века широкое распространение в тюрьмах различных штатов получил фокус под названием «певчая птичка» («hummingbird»). Наказуемого усаживали в чугунную ванну без воды, фиксировали там и... пропускали через его тело ток. Человек кричал от боли, корчился и это у создателей пытки родило ассоциацию с поющей птичкой. Возможно, кто-то из читателей не понял, для чего требовалась сухая чугунная ванна, ведь, в принципе, прикладывать электроды к телу можно было и без неё. Физиологическая особенность человеческого организма такова, что в результате сильного судорожного напряжения мускулатуры брюшной полости и промежности сначала происходило семяизвержение (у мужчин), а затем – опорожнение мочевого пузыря. То есть, эта пытка была не только очень мучительна, но и унижительна.

³ Ракитин А., «История Бостонского Душителя. Хроника подлинного расследования» в 2-х книгах, «Ридеро», 2018—2019 гг.

Ещё пара картинок, демонстрирующих пытки в американских тюрьмах начала XX столетия. Слева: традиционная порка. Плеть и голая спина, всё понятно без лишних слов. А вот рисунок справа занятнее. На нём показан осужденный, зафиксированный в смирительной рубашке на большой промежуток времени – 20—30 часов. Понятно, что никто узника на протяжении этих часов с ложечки кормить не будет, воды не подаст и до горшка не проводит. Как хочешь, так и терпи...

Впервые «певчую птичку» применили тюремщики Огайо в 1908 году, но в скором времени развлечение с использованием чугунной ванны оказалось взято на вооружение во многих тюрьмах других штатов.

На фоне такой «высокотехнологичной» пытки – если, конечно же, эпитет «высокотехнологичный» уместен в подобном контексте! – многие другие меры воздействия выглядят почти невинно. Например, обливание заключенного водой из пожарного гидранта. Струя воды, подававшаяся под большим давлением, причиняла сильную боль и оставляла гематомы; порой человек после такой экзекуции выглядел весь синюшным. Другой распространенной мерой воздействия, являлось обездвиживание, для чего использовалась смирительная рубашка. Иногда её дополнял специальный шлем, не позволявший пить и есть. Упомянутые аксессуары сейчас можно найти в некоторых американских музеях, а их фотографии увидеть в интернете. Человека могли спеленать таким образом и оставить в камере на многие часы. Описаны случаи обездвиживания заключенных на 140 часов! Сложно сказать, что заставляло человека страдать сильнее – невозможность пошевелиться или же утолить жажду. Такое наказание вовсе не было чем-то исключительным и применялось оно отнюдь не в отношении особо опасных преступников.

Никакой нормативной базы, регламентировавшей использование описанных выше приёмов воздействия на заключенных, не существовало. Само создание такой базы представляется

в тех условиях невозможным – слишком уж раздроблена и разнородна была уголовно-правовая система тогдашних Штатов.

Акцент на использовании подобных мер воздействия на арестантов и осужденных сделан автором неслучайно. То, что в американских тюрьмах начала XX столетия пытаются, секретом для жителей не являлось, в газетах той поры об этом если и не писали прямо, то сообщали посредством разного рода эвфемизмов, хорошо всем понятных. Например, шериф в интервью мог сказать, что-то вроде «мы строго поговорили с задержанным» и все читатели понимали, что именно обозначает словосочетание «строго поговорили». Следует ещё раз подчеркнуть, что описанные выше меры могли применяться и применялись не только в отношении осужденных – чему отчасти можно найти хоть какое-то оправдание! – но и в отношении лиц даже не арестованных. Кроме того, подобные меры даже без их применения, могли служить эффективным инструментом запугивания.

Это очень важная деталь в контексте настоящего повествования.

Следует отметить, что криминальная активность всегда является до некоторой степени отображением материального достатка общества и царящих в нём социальных отношений. Разумеется, имеет значение и личностный фактор, иначе говоря, индивидуальные качества преступника, но только таковыми невозможно исчерпывающе объяснить криминальные феномены, принимающие порой вид не только необычный или пугающий, но по-настоящему парадоксальный.

Америка в начале XX века была очень необычной страной. И надо ли удивляться тому, что в ней совершались порой очень необычные преступления.

Эта книга посвящена как раз такой вот парадоксальной и таинственной серии убийств. Не будет большим преувеличением назвать эти преступления одними из самых загадочных в криминальной истории человечества. С ними связано множество вопросов и далеко не на все из них существуют сегодня ответы, но по мнению автора, именно поэтому и следовало написать то, что вы прочтёте ниже.

Автор в этой книге предпринял попытку проанализировать распространившиеся в США уже в XXI столетии версии о существовании необычного серийного убийцы (или нескольких серийных убийц), но прежде чем перейти к рассмотрению версий, нам необходимо поближе познакомиться с историей вопроса и разобраться с тем, что именно, где и когда происходило.

Часть I. Ранние убийства

17 ноября 1900 г.

Имеется некоторая неопределенность в том, с чего именно началась эта история. Первым эпизодом обычно считают события в исчезнувшем ныне городке Трентон-Корнерс (Trenton Corners) на территории округа Мерсер (Mercer county) в штате Нью-Джерси, последовавшие в ноябре 1900 года. Хотя существуют определенные сомнения в справедливости трактовки случившегося там – и в своём месте об этом будет сказано подробнее – будем придерживаться канонической трактовки событий, т.е. такой, каковая получила распространение среди современных американских конспирологов.

Начать надо с того, что вечером 17 ноября 1900 г., в субботу, на окраине Трентон-Корнерс загорелся дом, в котором проживала семья музыканта Джорджа Ван Лью (George Van Lieu). Хотя Нью-Джерси является северным по американским меркам штатом и на пороге XX столетия его население можно было без оговорок считать белым, Трентон-Корнерс являлся своего рода анклавом чернокожих. Город располагался в 11 км к северу от крупного города Трентона, столицы штата. Ныне на территории бывшего Трентон-Корнерс находится аэропорт. Район пронзали многочисленные железно-дорожные магистрали, ныне также исчезнувшие. На удалении менее сотни метров от дома Джорджа Ван Лью пересекались две железных дороги. Остаётся добавить, что сам дом стоял на обочине довольно оживленного шоссе, связывавшего Трентон-Корнерс с Трентоном. Помимо транспортных магистралей, следует упомянуть ещё один объект, расположенный неподалёку – речь идёт о психбольнице штата, находившейся от дома Ван Лью на удалении чуть более 500 м.

Огонь был замечен соседями примерно в 22:45. Люди сбежались на пожар со всех сторон, кто-то даже попытался спасти имущество, благодаря чему из огня были вынесены письменный стол и керосиновая лампа. Проживавших в доме Джорджа, его супругу Мэри и их 2-летнего сына Вилли никто в горящем доме не заметил. Кто-то припомнил, что Джордж по субботам ездит в Трентон, где играет в составе оркестра в общественном парке, иногда он берёт в свои поездки жену и сына. Эта информация успокоила соседей, решивших, что с семьёй всё в порядке.

Пока толпа людей разгребала остов сгоревшего строения и заливала угли, появился Джордж Ван Лью. Произошло это около часа по полуночи, т.е. уже 18 ноября. Увидев сгоревший дом, потрясенный музыкант спросил, где Мэри и Вилли?... Тут-то всем стало ясно, что мама и сын в Трентон в тот день не ездили.

К утру на пепелище появился шериф с группой помощников. В свете восходящего Солнца начались тревожные открытия. Сначала шериф обратил внимание на примятую траву и следы ног через поле, тянувшиеся прочь от дома Ван Лью на протяжении примерно 300 метров. Кто-то явно не хотел идти по дороге и ушёл путём, гарантировавшим сохранение анонимности. Точнее, убежал – простейшие прикидки длины шага показали, что двигавшийся через поле бежал. Окружной шериф Этчли развёл в ведре строительный алебастр и лично залил быстротвердеющим раствором несколько наиболее отчётливых отпечатков обуви в мягком грунте.

Затем, когда стало совсем светло, люди шерифа обратили внимание на деревянную рукоятку ручного насоса, установленного на колодце во дворе сгоревшего дома. На рукояти были хорошо различимы отпечатки окровавленных рук. Это было тревожное открытие, но всё же оставалась надежда, что следы не связаны с криминалом и оставлены кем-то из числа тушив-

ших пожар. Мало ли как бывает – человек впотьмах за доску схватился с торчащим гвоздём, или руку о кусок стекла порезал...

Надежды эти продержались недолго. Не прошло и пары часов, как в подполе, под обгоревшими досками были найдены поврежденные огнём, но хорошо узнаваемые трупы Мэри Ван Лью (Mary Van Lieu) и 2-летнего Вилли (Willie). Тела были изуродованы ударами топора. Какие именно травмы были причинены, где они локализовались и каким именно образом наносились – обухом или лезвием – сказать сейчас невозможно ввиду особенностей процедур тогдашнего американского правосудия. На территории округа Мерсер (Mercer county) судебно-медицинская служба в нынешнем понимании отсутствовала, коронер подробностей осмотра трупов не сообщал не только журналистам, но и в суде. Таковые подробности в традиции тех лет считались избыточными. Люди убиты ударами топора – этого было достаточно!

Орудие преступления находилось подле тел убитых. Преступник, по-видимому, сбросил тела убитых им женщины и ребёнка под пол, туда же закинул и топор, затем вышел во двор, смыл кровь с лица и рук водою из ручного насоса, оставив при этом отпечатки кровавых ладоней на его рукояти, после этого поджёг дом и пустился бегом через поле.

Подобная реконструкция выглядела довольно реалистичной. Дело оставалось за малым – установить личность изувера.

Следствие быстро сосредоточилось на подозреваемом, имя которого было произнесено уже на первом допросе. Джордж Ван Лью, лишившийся в один вечер семьи, сообщил шерифу, что на своём пути в Трентон встретил местного бродягу Роберта Хенсена (Robert Hensen), хорошо известного местным жителям⁴. Роберт, здоровый, энергичный, вечно пьяный негр, имел в окрестностях Трентон-Корнерс большое количество друзей, у которых оставлял на хранение свои пожитки. Он перебивался случайными заработками, получал какие-то вещи и мелкие деньги в местных церквях, а кроме того промышлял ловлей небольших животных и птиц с помощью силков (ондатр, енотов, крыс, голубей и т.п.). Тем и жил...

По словам Ван Лью 6 ноября Хенсен явился в его дом с тушкой кролика и попросил разрешить ему оставить свою одежду. В качестве уплаты за эту услугу он отдал кролика. Просьба Роберта вызвала раздражение Мэри Ван Лью, которая заявила Хенсену, что тот должен прекратить свои визиты. Кроме того, она была уверена, что кролик украден, а не пойман в силки, и оставляя его в качестве благодарности за услугу, Хенсен компрометирует их семью. Джордж Ван Лью погасил разгоравшийся скандал, но осадок от произошедшего остался неприятный.

Итак, во время допроса 18 ноября Джордж сообщил, что накануне около 15 часов он на своём пути в Трентон повстречал Хенсена. Последний двигался в противоположном направлении, т.е. шёл в Трентон-Корнерс. У Джорджа сложилось впечатление, будто Хенсен имел намерение зайти к нему домой за своей одеждой, хотя прямо тот об этом не сказал.

Данного сообщения оказалось достаточно, чтобы у местных правоохранителей пазл полностью сложился. В самом деле, Хенсену известно, что хозяин дома находится в Трентоне, в его отсутствие он является в дом Ван Лью, благо у него имеется для этого предлог, скандал возобновляется и злонравный негр пускает в дело топор!

⁴ В публикациях газет той поры, посвященных событиям в Трентон Корнерс, встречаются два вида написания фамилии подозреваемого – Hensen и Henson. Мы будем придерживаться первой транскрипции.

Преступления, о которых пойдёт речь в этой книге, разбросаны по территориям восточных штатов США. Чтобы лучше разобраться в их локализации, если таковая существует, имеет смысл воспользоваться картой восточной части страны. Цифра «1» показывает место убийства членов семьи Ван Лю вечером 17 ноября 1900 г.

Эпитет злонравный был употреблён автором вовсе не для красного словца, Боб Хенсен, судя по всему, действительно являлся мужчиной злобным и плохо себя контролировавшим. За 15 лет – в период с 1885 года по 1900 год – он был судим 6 раз, причём трижды – за преступления, связанные с насилием. Хенсен промышлял воровством, но если его на этом ловили, то он без колебаний пускал в ход кулаки. Один раз его подозревали в убийстве белой проститутки, но в конечном итоге подозрения с Хенсена оказались сняты, поскольку удалось разоблачить настоящего убийцу. Это произошло в 1888 году, за 12 лет до описываемых событий. Хотя Хенсен никого не убивал, тем не менее, было известно, что телесные повреждения он причинял в том числе и женщинам, то есть заведомо слабейшему противнику. С точки зрения современных представлений, Боб безусловно являлся рецидивистом, причём рецидивистом, склонным к совершению насильственных преступлений.

На Боба Хенсена немедленно была объявлена охота и не прошло и суток, как его взяли под стражу. Произошло это во второй половине 19 ноября. Подозреваемый находился в доме некоей Энн Смит в районе Трентон-Джанкшен, на удалении более 15 км от сгоревшего дома.

Рассказ Роберта о его времяпрепровождении звучал довольно странно. Арестованный утверждал, будто пил спиртное с самого утра 17 ноября и потому не полностью помнит события того дня. В это можно было поверить... Роберт подтвердил свою встречу с Джорджем Ван Лю, но заверил, что ничего не говорил тому о визите к его жене и такого намерения не имел вовсе. Ладно, этому тоже можно было поверить... Но, может быть, подозреваемый сообщит нечто, что могло бы доказать его alibi? Хенсен подумал и сказал, что в течение дня ходил по местным питейным заведениям, напился и в конце концов лёг спать под мостом. Сон под мостом в штате Нью-Джерси во второй половине ноября – это нечто из разряда экстремального

отдыха. Разумеется, Нью-Джерси – не Сибирь и не Урал, но +7° по Цельсию бодрят изрядно даже пьяных. Уснуть, конечно, можно, но проспать сурком несколько часов – такое утверждение звучало как-то не очень достоверно!

Может быть, Роберт Хенсен помнил ещё что-то из событий того вечера? Подозреваемый кивнул и сказал, что его разбудил грохот телеги, проехавшей по мосту, и голоса людей. Он вышел из-под моста и отправился бесцельно бродить по окрестностям. До него доносился звук игры на скрипке, ещё он слышал лай собак. Затем он отправился к Энн Смит, у которой оставлял ранее одежду и периодически ночевал. Там его встретил некий Джон Скиллман – и эта деталь была очень важна, поскольку Скиллман оказался первым свидетелем, способным дать следствию привязку ко времени, независимую от слов Хенсена. Последний утверждал, будто повстречался со Скиллманом около 21 часа. Если это действительно было так, то Хенсен фактически получал *alibi*, ведь убийство Ван Лью и последующий пожар должны были произойти около 22:00 – 22:30 (в 22:45 огонь уже видели соседи).

Однако Скиллман не подтвердил сказанное Робертом Хенсеном! По словам свидетеля, последний пришёл около полуночи, т.е. для того, чтобы преодолеть расстояние от места преступления до дома Энн Смит он располагал приблизительно 1,5 часами. Напомним, речь шла о 15—16 км. Мог ли здоровый мужчина пробежать такое расстояние по пересеченной местности? Ответ не очевиден, но окружной прокурор посчитал, что преодолеть такое расстояние за указанное время подозреваемый мог.

Помимо отсутствия *alibi* и странного рассказа про сон под мостом, обнаружили и иные подозрительные детали. Одежда Хенсена оказалась перепачкана кровью, что не должно удивлять, учитывая очевидные проблемы с гигиеной и чистоплотностью, присущие образу жизни бродяги. Но главная неприятность для Хенсена заключалась не только и не столько в том, что на его одежде оказалась кровь, а в том, что подозреваемый весьма неловко объяснил её происхождение. Вместо того, чтобы сказать, что ему неизвестно происхождение крови, либо дать одно-единственное объяснение и на том успокоиться, Хенсен несколько раз принимался объяснять присутствие кровавых пятен и каждый раз это делал по-новому. В общей сложности он дал 4 различных объяснения, что, согласитесь, выглядит очевидным перебором!

Подозреваемому реально было лучше жевать, чем говорить!

Надо ли удивляться тому, что после первого допроса Хенсену заявили, что у него нет *alibi* и он останется под стражей.

А далее произошёл инцидент, предопределивший, по-видимому, судьбу подозреваемого. Прокурор округа посчитал необходимым собрать Большое жюри. В англо-американской юридической системе так именуется особое судебное заседание, на котором обсуждается вопрос о достаточности обвинительного материала против подозреваемого. Большое жюри не решает вопрос виновности, а лишь обсуждает т.н. «тело доказательств» – совокупность прямых и косвенных улик, которыми может оперировать обвинение. Перед заседанием Большого жюри шериф Сэмюэл Титус Этчли (Samuel Titus Atchley) привёл членов жюри в тюрьму и продемонстрировал чистую отремонтированную камеру, в которой содержался арестант. Шериф хотел всем доказать, что чернокожий преступник находится в достойных условиях и не подвергается никаким притеснениям. Один из членов жюри через решётку обратился к Хенсену с каким-то безобидным вопросом, который, однако, почему-то показался арестанту оскорбительным. Хенсен взорвался яростной бранью и попытался дотянуться до обратившегося к нему рукой через прутья решётки. Последний, разумеется, отпрянул, а Хенсен, увидев, что обидчик ускользнул, в ярости схватил с тумбочки томик «Библии» и запустил им в членов жюри.

Эта неконтролируемая вспышка ярости произвела на всех присутствовавших тягостное впечатление.

Samuel J. Etchley

Шериф округа Мерсер Сэмюэл Этчли: фотокарточка и карикатура из газеты. Родившийся в июне 1862 г. будущий шериф принадлежал к известной семье, чья родословная прослеживалась по меньшей мере на 5 предыдущих поколений. Сэмюэл состоялся как предприниматель – он вёл торговлю углём и искусственным льдом, заседал в суде, работал в парламенте штата, где занимался вопросами финансирования с снабжения национальной гвардии, был избран окружным шерифом с большим отрывом от конкурентов в 1899 году. Этчли прожил долгую и в целом успешную жизнь, умер он в 1936 г. Расследование убийства в Трентон Корнерс сделало его широко известным за пределами штата.

Хенсен показал себя человеком, неспособным управлять эмоциями и притом совершенно неадекватным. Особенно шокирующе выглядело использование томака «Библии» в качестве метательного оружия. Мы можем не сомневаться в том, что члены Большого жюри являлись людьми консервативных взглядов и столь неуважительное отношение к священной книге не могло не настроить их резко враждебно в отношении обвиняемого.

Будет неправильно сказать, что чернокожему арестанту не была предоставлена защита. Нет, защита была и она даже пыталась что-то сделать. В частности, нанятый адвокат частный сыщик установил, кто именно и когда играл на скрипке (напомним, что Роберт Хенсен утверждал, будто слышал звук музыкального инструмента на пути к дому Энн Смит). Выяснилось, что в игре на скрипке упражнялся 11-летний мальчик, он занимался этим приблизительно с 21 часа до 21:30. Таким образом, защита установила, что Хенсен ошибался, утверждая, будто пришёл к Энн Смит в 9 часов вечера. Вместе с тем, эту информацию можно было использовать как доказательство того, что обвиняемый находился достаточно далеко от места совершения преступления. Однако с точки зрения защиты проблема обвиняемого заключалась в том, что в это время никто не видел Хенсена.

Защита также попыталась доказать справедливость утверждений обвиняемого о происхождении крови на его одежде. Роберт заявлял, будто кровь происходит от животных, которых он ловил, в частности, белок, опоссумов и кроликов. Врачи, однако, помочь адвокатам не смогли, поскольку в те времена не существовало методик, способных установить видовую принадлежность крови. Лишь в 1901 г. немецкий учёный Пауль Уленгут разработает и приме-

нит при расследовании преступления специфический метод, позволяющий с высокой надёжностью отличить человеческую кровь от крови животных и птиц. В России это специфическое исследование называют «реакцией преципитации Чистовича – Уленгута», поскольку в своей теоретической базе оно основано на т.н. феномене преципитации, открытом русским патологоанатомом Фёдором Яковлевичем Чистовичем в 1899 году.

Американские судебные медики не смогли помочь защите Роберта Хенсена, но интересна следующая деталь. Обвиняемый, узнав, что его защита вознамерилась установить происхождение крови, дополнил свои прежние объяснения на сей счёт. Он заявил, что кровь на его одежде может быть человеческой, дескать, незадолго до ареста он помогал в переноске фортепиано и порезал руку. А потом подумал и добавил, что у него часто кровь идёт носом и потому кровь на одежду могла попасть из-за носового кровотечения. Другими словами, обвиняемый, настаивавший прежде на том, что кровь на его одежде принадлежит животному, неожиданно поменял свои показания и допустил происхождение крови от человека. Таким образом, в дополнение к четырём прежним объяснениям появились ещё два. Как неожиданно, правда?

Среди улик, на которых основывалось обвинение, имелось и весьма необычное для судебной практики тех лет свидетельство о совпадении индивидуальных особенностей обуви Роберта Хенсена и следов на поле, предположительно оставленных убийцей. Шериф настаивал на том, что сравнил отпечатки в мягком грунте с подошвами ботинок арестанта и они оказались не просто похожи, но одинаковы по целому ряду уникальных признаков. Речь шла о том, что туфли Хенсена имели на подошвах V-образный рубчик, а кроме того, она были сшиты так, что кусочки кожи образовывали многочисленные «гребешки». Честно говоря, не совсем понятно, о каких «гребешках» идёт речь, фотографий этой обуви автору отыскать не удалось, однако для нас важно то, что туфли обвиняемого представлялись судье и присяжным, а вместе с ними демонстрировались и гипсовые слепки с отпечатков обуви предполагаемого преступника, найденные на поле у дома Ван Лью, так что присутствовавшие в зале суда могли видеть своими глазами то, о чём говорил обвинитель.

Несмотря на протест защиты, оспаривавшей происхождение упомянутых отпечатков от обуви убийцы и доказывавшей невозможность корректного сравнения с ними туфель Хенсена, точка зрения обвинения возобладала и улика была признана заслуживающей внимания.

Результат заседания Большого жюри оказался вполне предсказуем – улики против Роберта Хенсена были признаны достаточными для представления суду присяжных. Это был очень плохой знак – чёрный рецидивист, с дурным характером и взрывным темпераментом, ранее притом уже подозревавшийся в убийстве белой женщины, имел очень мало шансов быть оправданным в суде с белыми присяжными заседателями. Сложно сказать, понимал ли Хенсен всю степень нависшей над ним угрозы. Наверное понимал! Насколько можно судить по газетным статьям, публиковавшим стенограммы судебных заседаний, Боб имел быстрый ум и дураком точно не являлся. Другое дело, что будучи человеком желчным и по большому счёту очень недобрым, свой ум он не прикладывал к чему-то дельному и полезному, а растрачивал на какие-то несурезности.

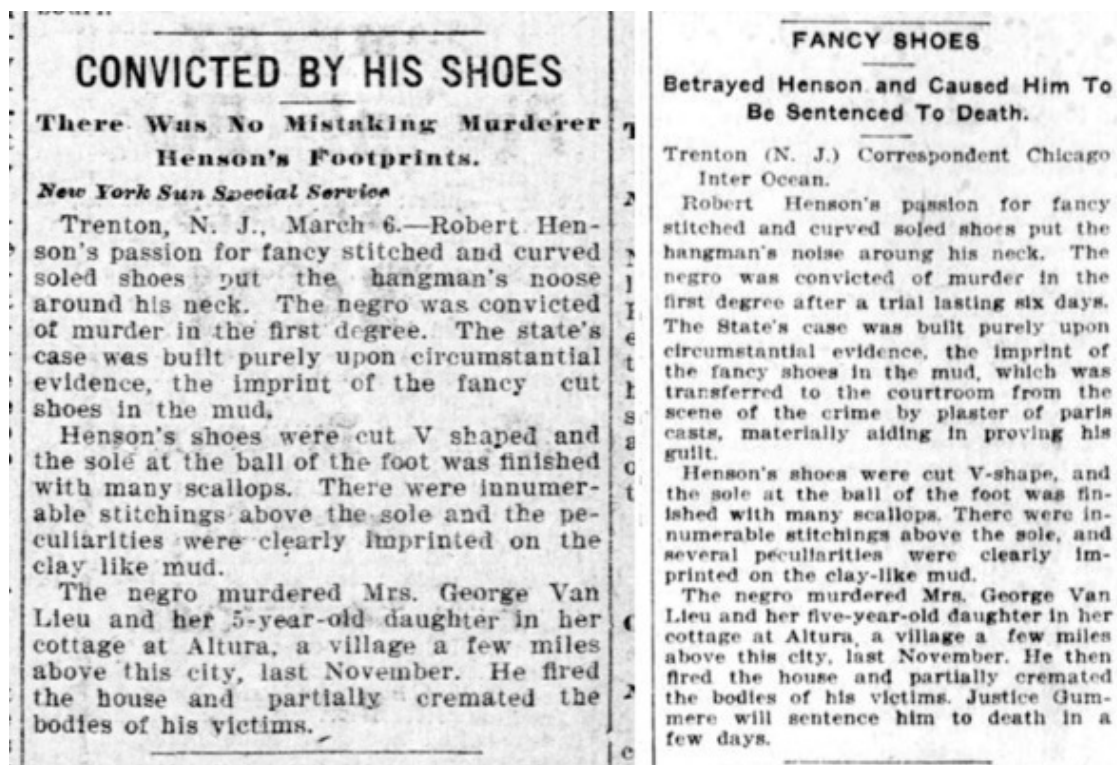
Процесс, который начался 6 марта 1901 г., ярко продемонстрировал дефекты его поведения. Во-первых, Хенсен не отказался от дачи показаний, хотя защита очень рекомендовала ему это сделать. Во-вторых, он пристально и подолгу рассматривал присутствовавших в суде, что можно было расценивать как своеобразный вызов. Хенсен был не в том положении, чтобы бросать какие-то вызовы, но... объяснить ему это было невозможно! В-третьих, он непрерывно жевал табак и делал это, даже отвечая на вопросы судьи, что выглядело демонстративным неуважением (хотя формально жевание табака в суде не было запрещено). В-четвёртых, он громогласно смеялся и комментировал смешные по его мнению моменты, за что получал замечания судьи. Давайте скажем прямо – более неосмотрительное поведение представить сложно!

Суд продлился 5 дней и на выходные не расходился. 11 марта, в понедельник, присяжные отправились в совещательную комнату и вышли оттуда по прошествии немногим более получаса. Видимо они посчитали дело ясным и просто не желали углубляться в детали, а возможно, просто торопились домой и сочли ненужным тратить своё время на какого-то негра-рецидивиста. Вердикт белого жюри оказался ожидаемо жёстким – Хенсен был признан виновным по всем пунктам обвинения: в двойном убийстве, совершенном с особой жестокостью, вторжении в жилище и уничтожении имущества. Смягчающих обстоятельств присяжные не нашли, что выглядит логичным – обвиняемый вины не признавал, а стало быть и не раскаивался...

Судья, заслушав вердикт, с приговором тянуть не стал, стукнул молоточком из американского дуба по подставке из такого же точно американского дуба и приговорил Роберта Хенсена к смертной казни через повешение. Сразу была названа и дата казни – 25 апреля 1901 г.

Если верить газетным публикациям, Боб, услышав приговор, перестал жевать табак и более не улыбался. Но серьёзность помочь ему уже не могла.

Защита подала апелляцию, в которой справедливо указала на то, что обвинение не представило ни единой прямой улики, доказывавшей вину Хенсена. Всё, на чём окружная прокуратура основывала свои претензии к этому человеку, относилось – притом весьма условно! – к косвенным уликам. Никто не видел обвиняемого входящим или выходящим из дома Ван Лью ни только вечером 17 ноября, но и вообще в тот день!

Представление в окружном суде в г. Трентоне необычных доказательств в виде отпечатков обуви, обнаруженных неподалёку от места совершения преступления, вызвало немалый интерес репортёров и обывателей. Слева: заметка газеты «The Minneapolis journal» от 6 марта 1901 года с говорящим названием «Осужден собственной обувью» поведала читателям об использовании обвинением необычной улики. Справа: Заметка на ту же самую тему в газете «The Age-herald» от 17 марта.

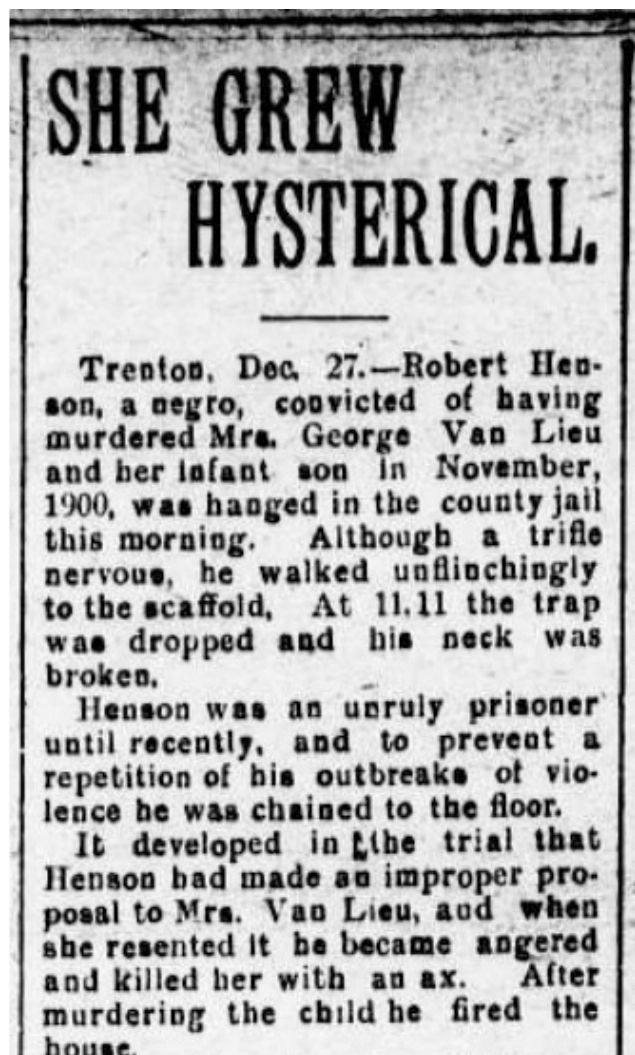
Никто не видел, чтобы Хенсен смывал кровь с лица или рук! Он никому не признавался в совершении убийства! Никто не видел у него вещей, принадлежавших убитым! Хенсен дей-

ствительно ловил при помощи силков разных мелких животных и кровь на его одежде вполне могла происходить от них, обвинение обратного не доказало! В англо-саксонском праве косвенные улики обычно считаются недостаточными для вынесения самых тяжких приговоров, так что осуждение Хенсена на казнь в какой-то мере явилось исключением из правил.

В общем, апелляция была хороша и шанс спасти жизнь бедолаге имелся. Однако этого не случилось. По-видимому, против Роберта Хенсена сработала его дурная репутация и уголовное прошлое. Логика Верховного суда штата оказалась проста – Хенсен мог совершить это преступление, стало быть, он его и совершил!

Осужденный вёл себя в тюрьме дико и непредсказуемо, что следует признать до некоторой степени нетипичным. Смертники обычно держатся спокойно и хорошо себя контролируют. Подобное спокойствие можно объяснить несколькими причинами. С одной стороны, к осуществлению надзора за смертниками привлекаются самые опытные тюремщики – люди серьёзные, хорошо подготовленные, в возрасте, с выверенными психологическими установками, если вести себя разумно, то с такими людьми можно ладить без особых проблем. С другой стороны, смертник понимает, что его необдуманное поведение может иметь тяжёлые и неприятные последствия для него же самого, иначе говоря, его могут изувечить и никто никакой ответственности за это не понесёт. Ибо смертник – это всегда очень опасный заключенный, а потому любой суд встанет на сторону конвоя. Посему приговоренные к смертной казни обычно сидят тихо и никому никаких особых проблем не доставляют.

Однако с Хенсеном всё было не так, как обычно. Он сутками напролёт бранился с заключенными соседних камер, грозил сотрудникам тюремной охраны, бросался на них при первой возможности. Он до такой степени надоел тюремщикам своими выходками, что с ведома начальника тюрьмы Хенсена приковали к полу и он сидел на цепи, точно собака.

Газетная заметка от 27 декабря 1901 г. с лаконичным рассказом о смертной казни Роберта Хенсена. По словам автора заметки Джордж Хеттрик, сосед Хенсена, мимо камеры которого тот прошёл на пути к виселице, разрыдался. Представил, видимо, как и его самого через несколько месяцев точно также поведут в путешествие без возврата...

Даже для Америки начала XX века, когда условия содержания в тюрьме вообще были очень строги, подобная мера содержания заключенного **вне карцера** являлась необычайно суровой! Так Хенсен и просидел более двух месяцев на цепи, вплоть до дня казни.

В самом конце года – 27 декабря – Роберт Хенсен был повешен. Смерть его была зафиксирована тюремным врачом в 11:11. Событие это не вызвало ни малейшего интереса, ибо к тому времени прессу и общественность волновали совсем другие проблемы. Начавшаяся зима оказалась аномально холодной и 20 декабря реку Дэлавер сковал лёд. Уже через 4 дня, в самое Рождество, власти штата объявили, что стремительно растущая толщина льда угрожает деревянным мостам. В тот же самый день в Трентоне появилась оспа и все с трепетом ждали начала эпидемии.

Кому в этой обстановке был интересен какой-то там чернокожий изувер, зарубивший топором двух других чернокожих? Роберт Хенсен был повешен в первой половине дня 27 декабря 1901 г. рутинно, равнодушно и буднично. С окончанием его жизни должна была закончиться и эта история.

Но с этого момента она только началась.

12 мая 1901 г.

Штат Мэйн (Maine), самый северный из штатов США на Атлантическом побережье, в начале XX столетия считался медвежьим углом – гористая местность, изрезанная тысячами рек и озёр, мрачные хвойные леса, низкая плотность населения. Но даже по меркам этого штата семья фермера Аллена жила в месте мрачном и уединенном. До ближайшего телефона в городке Ширли Миллс (Shirley Mills) – 7 км по лесной дороге среди корабельных сосен, а до ближайшего соседа – 1,2 км. Кричи – не докричишься!

Правда у этой уединенности имелись и свои положительные стороны. Про корабельные сосны по склонам сопок написано не ради красного словца – лес вокруг фермы Джона Уэсли Аллена был по-настоящему прекрасен. А помимо леса совсем рядом плескалось озеро с говорящим названием Спектакл-пондс (Spectacle Ponds – по-русски «Зрелищные пруды»). Это был водоём длиной почти 1,5 км и шириной до 400 метров с живописными островками и причудливыми заливами. В таких местах принято ставить монастыри, ибо если и уходить куда-то прочь от бренного мира – то именно в такую вот райскую обитель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.